

Сланцевая революция начала оказывать влияние на борьбу за энергоресурсы Каспийского региона. Многие проекты, перспективы которых еще недавно были сомнительными, теперь кажутся более реальными. Особенно маршруты доставки нефти и газа в Европу в обход России.

В сентябре 2010 года Владимир Путин, занимавший тогда пост премьера, встречался с членами международного экспертного клуба «Валдай». Один из участников встречи задал Путину вопрос о судьбе Nabucco — проекта по строительству трубопровода в Европу для транспортировки каспийского газа в обход территории РФ. Премьер отвечал долго, со знанием деталей. С его слов получалось, что построить газовую трубу в обход России не удастся. «Главная проблема Nabucco — отсутствие гарантированных объемов необходимого продукта в этой трубе. Россия туда поставлять ничего не будет, в Иране эти месторождения пока не разработаны, в Азербайджане объемы маленькие, и, кроме того, Азербайджан подписал контракт на поставку газа в Россию,— перечислял Путин.— Есть еще Туркмения, но пока не ясны возможности по объемам, поскольку с территории Туркменистана проложен газовый маршрут в Китай на 30 млрд кубометров газа. Есть территориальный спор между Туркменией и Азербайджаном по разделу Каспийского моря. В этих условиях прокладывать систему, на мой взгляд, затруднительно, если не сказать — невозможно».

Пока что предсказание Путина о судьбе Nabucco сбывается. Строительство трубы, как говорил в 2011 году Райнхард Митчек, глава консорциума Nabucco Pipeline GmbH, должно было начаться в первой половине 2013 года. Однако пока Nabucco по-прежнему остается на бумаге. Более того, в апреле 2013-го немецкая RWE, один из ключевых участников консорциума Nabucco (в него также входят австрийская OMV, венгерская MOL, болгарская Bulgargaz, румынская Transgaz, турецкая Botas), объявила, что продает свою долю «в связи с изменившимися обстоятельствами» — ее покупает OMV.

Впрочем, нынешние неудачи Nabucco — не такая уж радостная для России и «Газпрома» новость. Ведь вызваны они усилением позиций альтернативного Nabucco проекта — Трансадриатического газопровода (TAP) по доставке в Европу газа из Азербайджана, совладельцами которого являются швейцарская Axpo (42,5%), норвежская Statoil (42,5%) и немецкая E.ON Ruhrgas (15%). Как и Nabucco, TAP предусматривает доставку газа в ЕС из Каспийского региона в обход России, только сам маршрут будет короче, а труба — дешевле. А значит, газопровод с берегов Каспия до Европы в ближайшие годы все же появится, только называться он будет, скорее всего, не в честь оперы Джузеппе Верди.

Нефтепровод Баку—Джейхан, построенный при президенте Азербайджана Гейдаре Алиеве, пробил первую брешь в монополии России на экспорт каспийских углеводородов в Европу. Будущее Каспийского региона с его большими запасами углеводородов за прошедший год стало темой многих международных дискуссий. Последней по времени и наиболее представительной по составу участников стала выездная сессия Всемирного экономического форума (ВЭФ), которая прошла в Баку в апреле 2013 года. ВЭФ, наиболее известный своими ежегодными зимними встречами в Давосе, проводит несколько выездных сессий в году, посвященных различным регионам мира. Апрельская встреча стала первой, где речь шла исключительно о будущем Каспийского региона, и первой проводившейся в одной из постсоветских стран. Тот факт, что сессию принимал именно Баку, не вызывает особого удивления. «Азербайджан очень системно подошел к работе с ВЭФом, понимая, что может дать стране и ее элите активная работа с

форумом,— глобальную экспертизу, связи и пиар,— объяснял «Власти» один из организаторов апрельского мероприятия. — Президент страны Ильхам Алиев семь лет подряд ездил в Давос и инвестировал в развитие отношений с форумом очень многое». Одной из главных тем встречи стало будущее региональной энергополитики. В закрытой дискуссии, проходившей по правилам Chatham House (участники могут использовать полученную в ходе дискуссии информацию, но не имеют права публично разглашать имена или организационную принадлежность других участников), обсуждались перспективы строительства новых газовых труб из Азербайджана в Европу, а также прокладки Транскаспийского газопровода по дну Каспийского моря. Результаты обсуждения, в котором принимали участие многие ключевые игроки, сложно назвать оптимистичными для «Газпрома», посвятившего не один год борьбе против Nabucco и Транскаспийского проекта.

Идея прокладки сети труб, которые бы позволили транспортировать газ из Азербайджана и Центральной Азии в обход территории России, появились вскоре после распада СССР. Одним из главных лоббистов этого проекта была администрация США начиная со времен президента Билла Клинтона. В середине 1990-х в Белом доме и Госдепе США действовала экспертная группа, разрабатывавшая конкретные маршруты трубопроводов. Ее членами в разное время были, например, Мэттью Брайза (бывший посол США в Азербайджане, а до того — заместитель помощника госсекретаря США по России и Евразии) и нынешний американский посол в Баку Ричард Морнингстар (до того — спецпредставитель президента по вопросам энергополитики в Евразии).

В первой половине 2000-х

эта работа дала первые результаты. В 2005 году был запущен 1768-километровый нефтепровод Баку—Тбилиси—Джейхан (БТД), который позволяет доставлять азербайджанскую нефть в Европу через территорию Грузии и Турции в обход РФ. А в 2006 году была запущена газовая труба Баку—Тбилиси—Эрзурум (БТЭ). На территории Азербайджана и Грузии труба, с помощью которой в Европу в обход территории РФ пошел первый азербайджанский газ, идет параллельно нефтяной и проложена буквально в паре десятков метров от нее (см. карту ниже).

Президент Туркмении Гурбангулы Бердымухамедов ищет пути для транспортировки своего газа в Европу в обход России, чтобы снизить зависимость от Москвы.

С момента запуска обеих труб американские и европейские дипломаты не раз подчеркивали, что БТД и БТЭ в будущем следует дополнить новыми, большими по объемам трубопроводами. А заодно связать 300-километровым подводным газопроводом с Туркменией. Это позволило бы ЕС получить еще один источник газа, альтернативный поставкам «Газпрома», а странам Южного Кавказа и Центральной Азии — получить прямой выход на европейский рынок энергоносителей и тем самым укрепить свою независимость от бывшей метрополии.

Во второй половине 2000-х весь Каспийский регион стал ареной масштабной войны трубопроводов. ЕС не раз отправлял своих эмиссаров в Баку и Ашхабад, стремясь получить от азербайджанских и туркменских властей гарантии будущих поставок. В свою очередь, Россия старалась разрушить игру Запада, используя все возможные средства.

На дипломатическом фронте Москва торпедировала дискуссию о прокладке Транскаспийского газопровода, ссылаясь на неурегулированный статус Каспийского

моря. По мнению России, вопрос о прокладке любых труб по дну Каспия может решаться только при согласии всей пятерки прибрежных государств (см. справку «Каспийский вопрос»). В этом ее активно поддерживает Иран. Некоторые западные дипломаты убеждены, что для борьбы с проектом Nabucco использовались и военные меры: в дни военной кампании в Грузии в 2008 году несколько российских бомб упало рядом с газопроводом БТЭ, так что оператор проекта компания ВР на три дня (12-14 августа 2008 года) прекратила работу трубы. Впрочем, поскольку в это время боевые действия шли в непосредственной близости от маршрута БТЭ, возможно, бомбы упали там случайно.

Наиболее активно Москва действовала с помощью экономических рычагов, используя свое главное оружие — «Газпром». В 2007 году президенты России, Казахстана и Туркмении были свидетелями подписания соглашения о строительстве Прикаспийского газопровода, который должен был транспортировать до 30 млрд кубометров каспийского газа через территорию России. В 2008 году «Газпром», до того покупавший центральноазиатский газ на границе РФ и плативший странам-поставщикам минимальную цену (около \$100 за тысячу кубометров), согласился платить по европейским расценкам. Эти меры должны были отбить охоту у Ашхабада и Астаны искать альтернативные пути выхода на европейский рынок.

Правда, после начала финансового кризиса 2008 года и резкого падения цен и объемов продаж в Европе «Газпром» не смог исполнять условия контракта с Туркменией.

Монополия провела несколько раундов безуспешных переговоров с «Туркменгазом», пытаясь изменить условия. В апреле 2009 года на магистральном газопроводе Средняя Азия—Центр, по которому туркменский газ с советских времен качался в европейскую часть России, произошел взрыв. Последствия аварии были устранены в течение нескольких дней, но после этого на протяжении целого года «Газпром» не отбирал туркменский газ. Поставки возобновились лишь в 2010 году. «Газпром» и «Туркменгаз» переписали контракт, и с тех пор россияне закупают у Ашхабада минимальный допустимый новым контрактом объем — около 10,5 млрд кубометров в год (в четыре раза меньше, чем в 2008 году).

Более удачно складывались отношения с Азербайджаном. В сентябре 2010 года по итогам визита президента Дмитрия Медведева был подписан контракт, по которому «Газпром» вдвое увеличивал закупки азербайджанского газа и соглашался платить самую высокую в СНГ цену (около \$270 за тысячу кубометров на тот момент). А глава «Газпрома» Алексей Миллер говорил, что российская монополия готова выкупать у Баку весь свободный объем газа, лишь бы он не попал в Nabucco.

Таким образом, к концу 2010 года Россия уверенно выигрывала битву с Nabucco и Транскаспийским проектом, а слова Владимира Путина, произнесенные на заседании «Валдая», казались вполне обоснованными. Однако с тех пор на мировом энергетическом рынке произошли крупные перемены, затронувшие и Каспийский регион. Главная — сланцевая революция в США («Власть» подробно рассказывала об этом феномене в статье «Поживем — поделим» в N15 от 22 апреля).

Масштабное освоение сланцевого газа в США снизило интерес Вашингтона ко многим энергополитическим проектам. В их числе оказался и Транскаспийский маршрут, продвижением которого Госдеп США, в свое время давший грант на разработку технико-экономического обоснования проекта, теперь занимается куда меньше. По словам собеседников «Власти», близких к Госдепу, снижение активности Вашингтона

объя-няется двумя факторами. С одной стороны, сланцевая революция уже привела к уменьшению зависимости Европы от «Газпрома» — на рынке ЕС растет доля поставок сжиженного природного газа (СПГ) с Ближнего Востока, изначально предназначавшегося для американского рынка. Во-вторых, администрация Барака Обамы в рамках политики «перезагрузки» фактически отказалась от многих геополитических проектов на постсоветском пространстве, в том числе в Каспийском регионе.

Похожие настроения поначалу царили и в Брюсселе. Многие чиновники Еврокомиссии, до того активно поддерживавшие проект Южного энергетического коридора (наземные маршруты доставки углеводородов из Каспийского региона и с Ближнего Востока в обход РФ), начали говорить о том, что Европа получает больше СПГ из Катара, а вскоре газом ее смогут снабжать и дружественные США. Поэтому в условиях кризиса ЕС следует отказаться от затратных проектов вроде Nabucco (по последним оценкам, он обошелся бы в €11-12 млрд). Однако сейчас позиции сторонников Южного энергетического коридора вновь укрепились.

Во-первых, перспективы добычи сланцевого газа в Европе оказались куда туманнее, чем представлялось еще год назад, — из-за экологических рисков многие проекты на территории ЕС были заморожены (например, проекты ExxonMobil в Польше). Во-вторых, в результате «арабской весны» ситуация во многих газодобывающих странах оказалась нестабильной, что грозит перебоями в поставках. Опасения вызывает борьба за власть в Египте, чреватая перебоями в работе Суэцкого канала. Наконец, сами США, вопреки ожиданиям, не торопятся разрешать экспорт сланцевого газа на внешние рынки. Причем, по словам собеседников «Власти» в Госдепе, даже если это произойдет, приоритет будет отдан не Европе, а быстрорастущим азиатским рынкам. В этих условиях Брюссель решил продолжить поддержку проектов по доставке каспийских энергоресурсов на рынок ЕС.

Пожалуй, одним из важнейших факторов оказалась ситуация в Азербайджане. Баку в 2016 году начнет добычу на второй фазе освоения шельфового месторождения Шах-Дениз, где планируется добывать около 16 млрд кубометров газа в год. Для прокачки этого газа в Европу потребуются новые мощности. Теоретически часть газа можно пустить через территорию РФ, как предлагал «Газпром», однако в условиях усиления конкуренции на газовом рынке ЕС российской монополии надо активнее продавать там собственное сырье, и есть риск, что Баку окажется в той же ситуации, в которой оказался Ашхабад в 2009 году. Это означает, что для транспортировки газа с Шах-Дениза-2 нужна отдельная труба. И такая труба, скорее всего, начнет строиться уже в 2014 году. Пройдет она, разумеется, не через территорию России.

Впервые идея Транс-анатолийского газопровода (TANAP) прозвучала в ноябре 2011 года. С тех пор проект развивается стремительно. В июне 2012 года Ильхам Алиев и премьер Турции Реджеп Тайип Эрдоган подписали межправительственное соглашение о прокладке трубы. Строительство должно начаться в 2014 году, а первая фаза проекта завершится в 2017 году, как раз когда начнется масштабная добыча на Шах-Денизе-2. Акционерами TANAP поначалу были азербайджанская госкомпания SOCAR (80%), а также турецкие Botas (15%) и ТРАО (5%). Прокладка 2000-километровой трубы оценивается в \$7-10 млрд. В январе 2013 года 12% в проекте купила BP — ведущая международная компания в консорциуме по освоению Шах-Дениза. Доли в проекте также предложены Statoil и

французской Total. Мощность трубы должна составить 16 млрд кубометров газа в год, из них 6 млрд будут продаваться в Турции, а 10 млрд — в ЕС. TANAP будет доходить до границы Турции и Европы, а дальше газ будет поступать в один из газопроводов — TAP либо Nabucco-West (так называется сильно урезанный теперь проект Nabucco).

Окончательное решение, в какую из этих двух труб пойдет газ с Шах-Дениза-2, консорциум по освоению месторождения должен принять к концу июня 2013 года.

Заявленные SOCAR, BP и властями Азербайджана планы подразумевают, что к 2030 году Баку будет экспортировать до 30 млрд кубометров газа в год, а затем и вовсе увеличит экспорт до 50 млрд кубометров в год — такую оценку в июле 2012 года давал министр энергетики страны Натик Алиев. Соответственно, это потребует расширения газопроводов БТЭ и TANAP после 2020 года. Впрочем, расширение трубопроводов может потребоваться еще раньше, если удастся запустить строительство

Транскаспийского газопровода. Как показало обсуждение этого вопроса на апрельской сессии ВЭФа в Баку, сейчас в этом заинтересованы многие игроки.

Азербайджанские чиновники и газовики всегда публично говорили, что Транскаспийский проект вполне реализуем. В феврале 2013-го Натик Алиев даже давал оценку стоимости прокладки 300-километровой трубы по дну Каспия — \$1-2 млрд.

Участники дискуссии ВЭФа пришли к выводу, что технически прокладка трубы не представляет никаких проблем и займет не более 1,5 года с начала строительства.

Долгое время проект задерживался из-за разногласий между Баку и Ашхабадом по поводу принадлежности спорных месторождений на Каспии. Однако теперь стороны не увязывают вопрос прокладки трубы с окончательным территориальным размежеванием.

Логика заключается в том, что большие объемы газа, которые можно прокачивать через Транскаспийскую трубу (до 30 млрд кубометров в год), сблизят Туркмению и

Азербайджан и позволят решить спор полюбовно и к общей выгоде. К тому же эти объемы сделают оправданными строительство и TAP, и Nabucco-West. А это даст возможность Баку диверсифицировать маршруты доставки своего газа. В то же время

большие объемы прокачки газа (около 60-80 млрд кубометров при оптимистичном сценарии — это около 30-50% нынешнего объема поставок «Газпрома» в ЕС) сделают Европу более дружественной Азербайджану, что Баку может попытаться

конвертировать в политические дивиденды. Наконец, увеличившиеся доходы Баку сможет использовать для масштабной диверсификации экономики — уже сейчас власти страны инвестируют в развитие сельского хозяйства и туризма, пытаются увеличить занятость, сгладить социальные противоречия и создать точки роста на перспективу, когда доходы от продажи нефти и газа перестанут наполнять бюджет.

Несмотря на поддержку главы Еврокомиссии Жозе Мануэла Баррозу (крайний слева), у проекта Nabucco не так много шансов.

Причины активнее включиться в реализацию Транскаспийского проекта есть и у Туркмении: Ашхабад стремится максимально диверсифицировать маршруты доставки своего газа на мировой рынок. Долгие годы страна не могла всерьез думать об этом из-за риска осложнения отношений с Москвой: хотя «Газпром» не платил за туркменский газ европейскую цену, контракт с РФ был основой бюджета. Однако ситуация меняется. Весь 2009 год Ашхабад прожил без российских денег, во многом благодаря китайскому кредиту \$3,5 млрд на освоение гигантского газового месторождения Южный Иолотань (с конца 2011 года называется Галкыныш). Роль России в наполнении туркменского бюджета снижается. По данным «Власти», контракт

с «Газпромом» в 2012 году дал Ашхабаду около \$3 млрд, а поставки 20 млрд кубометров газа Китаю принесли \$4 млрд. В 2012 году Ашхабад и Пекин договорились об увеличении поставок до 65 млрд кубометров в год, расширение трубопровода Туркмения—Китай уже ведется. Так что Ашхабад вполне сможет пережить очередной конфликт с Москвой, а вот позиция Пекина для него куда важнее.

Пока реакцию властей КНР в случае, если Ашхабад захочет участвовать в Транскаспийском проекте, предсказать невозможно, однако участники дискуссий в Баку пришли к выводу: прекращать закупки газа для давления на Ашхабад Пекин вряд ли решится. Скорее всего, если туркменские власти дадут гарантии, что не станут использовать будущие контракты с европейцами для пересмотра условий контрактов с КНР, Пекин может согласиться на прокладку Транскаспийской трубы, чтобы дать режиму Гурбангулы Бердымухамедова дополнительный источник дохода и тем самым повысить его устойчивость.

Участники сессии ВЭФа констатировали, что инструментов для противодействия планам прокладки Транскаспийской трубы у противников этого проекта не так много. В случае если Баку и Ашхабад возьмутся строить трубу, не дожидаясь окончательного размежевания границ на Каспии, найти юридические аргументы будет непросто, ведь прямого запрета на прокладку трубы нет ни в одном международном договоре, имеющем отношение к Каспию.

Экономические санкции также не сработают. Иран, регулярно запугивающий соседей угрозой войны, на полномасштабные военные действия вряд ли решится. Более реальный вариант — кибератаки, в результате которых доказать причастность конкретной страны к нападению не так просто. Иран обладает соответствующими возможностями, причем Тегеран подозревается в организации кибернападения в августе 2012 года на саудовскую нефтяную компанию Saudi Aramco. Еще одна угроза — атаки на нефтяные платформы со стороны мобильных подразделений Корпуса стражей исламской революции (соответствующие иранские части уже действуют в Персидском заливе). Правда, работающие на Каспии нефтяные компании просчитывают эти риски. Таким образом, сланцевая революция может изменить не только географию глобальных потоков СПГ, но и географию газовых труб. По крайней мере, в Каспийском регионе.

«Власть.»